

Глава первая

Статусные игры животных

Когда встречаются два млекопитающих, одно животное демонстрирует доминирование (приосанивается, пристально смотрит на противника), другое — подчинение. Как только одна особь заявляет о превосходстве, другая должна покориться или вступить в бой. Животные редко дерутся, потому что они хорошо умеют предсказывать исход битвы. Чтобы не покалечиться, более слабая особь подчиняется, например, опуская голову или туловище. Млекопитающие разрешают этот спор, чтобы избежать конфликта и, возможно, сосуществовать рядом.

Животные подчиняются доминирующей особи, когда появляется пища или возможность спаривания. Драки за ресурсы редки благодаря уже сложившейся иерархии. Возможно, вам покажется, что так быть не должно, но многочисленные исследования в области этологии, проводившиеся в течение ста лет, документально подтверждают иерархию животных. Сейчас эти доказательства игнорируют, а основное внимание уделяется самоотверженности и эмпатии млекопитающих — специалисты изучают их сотрудничество, а не соперничество за превосходство.

Например, животные объединяются, чтобы победить вожака. Если им это удастся, они начинают соревноваться

за первое место. Сотрудничество — это часть статусной игры. Звери умеют оценивать силу и социального союза, и отдельной особи. Люди также испокон веков заключали альянсы и продолжают делать это сегодня. Речь здесь не о том, чтобы оправдать агрессию. Нам нужно понять, почему человек так остро воспринимает неравенство.

Социальное соперничество млекопитающих приносит им пользу: оно позволяет более слабым особям пользоваться защитой более сильных перед лицом общего врага. Мозг заставляет животных подниматься по иерархической лестнице, наращивая силу и оттачивая ловкость. Это помогает им получать больше пищи и возможностей для спаривания и таким образом распространять свои гены. Как мы увидим далее, это относится к особям как мужского, так и женского пола. Мозг, жаждущий превосходства, с большей вероятностью будет унаследован потомками. Мы все являемся живым доказательством стремления к статусности в течение миллионов лет.

Мы часто слышим об альфа-самцах/самках. Я использую это слово, только цитируя других, так как оно предполагает, что стремление к превосходству характерно лишь для некоторых особей и не присуще остальным животным. На самом деле каждый мозг стремится к самосовершенствованию. Множество бета-самцов и самок вступают в борьбу за первое место, когда вождь слабеет или умирает. И всегда есть «середнячки», претендующие на места в бета-группе. Вместо того чтобы приписывать стремление к статусности определенному типу личности, важно понимать, что абсо-

лютно все стараются заявить о себе, как только появляется возможность одержать победу. У разных видов млекопитающих разные ритуалы социального соперничества, но общая закономерность прослеживается очень четко.

Почему животные стремятся к статусности

Животные постоянно решают, стоит ли им заявить о себе или отступить. Они делают это с помощью очень маленькой коры головного мозга. Префронтальная кора гориллы примерно на треть меньше человеческой, у мартышки она составляет одну десятую, у других животных — еще меньше. Млекопитающие решают социальные вопросы, не анализируя плюсы и минусы и не желая, чтобы все было по-другому. Они реагируют на социальные ситуации с помощью нейрохимических веществ, на выделение которых влияет прошлый опыт. Давайте посмотрим, как это работает у молодой обезьяны.

Новорожденный зверек крайне уязвим. Он выживает благодаря окситоциновой связи с матерью. Но мать не будет жить вечно, к тому же она должна заботиться и о других малышах, чтобы передать свои гены потомкам. Самка обезьяны никогда не кормит своего детеныша ничем, кроме молока, — он должен научиться сам находить пропитание. Зеркальные нейроны побуждают обезьянку искать пищу, когда она видит, что это делают другие. Как только зверек

пробует что-то съедобное, уровень дофамина повышается, и он чувствует себя хорошо. Дофамин — это сигнал мозга о том, что потребность удовлетворена. Когда происходит выброс этого гормона, образуется нейронный путь, который побуждает обезьянку повторять действия, удовлетворяющие ее потребности.

Поначалу она просто хватается, не обращая внимания на свое окружение. Природа награждает детеныша защитной отметиной — пучком белой шерсти на голове. Обезьянка может безнаказанно толкать и хватать, пока у нее есть этот хохолок. Как только отметины исчезают, с ней начинают обращаться на равных. Более сильные обезьяны будут хватать пищу из ее лап и даже изо рта. Если она начнет сопротивляться, ее укусят, и это заставит зверька сдерживаться рядом с более сильными особями. Боль провоцирует мощный выброс кортизола. Когда вырабатывается этот гормон стресса, образуется нейронный путь, и в следующий раз, когда подрастающий детеныш подумает, не схватить ли еду в присутствии обезьяны побольше, у него появится плохое предчувствие.

Голод побуждает молодую обезьяну искать пищу, на которую не претендует более крупный сородич. Дофаминовые цепи помогают ей анализировать возможности. Если она видит что-то на расстоянии, дофамин побуждает ее приблизиться. Но по мере того как обезьянка удаляется от сородичей, у нее падает уровень окситоцина. Приятное чувство защищенности уходит, и «включается» аварийный сигнал кортизола. Теперь перед ней стоит трудный выбор.

Маленький мозг сопоставляет угрозу голода с угрозой попасть в лапы хищника. Он делает это без слов или комплексного осмысливания, используя нейронные пути, которые возникли благодаря прошлому нейрохимическому опыту. Некоторых подросших детенышей обезьян съедают, но выживает достаточное количество особей, чтобы сохранился вид.

Маленькая обезьянка не вечно находится в самом низу иерархии. В один прекрасный день она видит плод рядом с более мелким членом стаи. Высвобождается серотонин, и хорошее самочувствие ослабляет ее страх заявить о себе. У нее нет злобы по отношению к слабому зверьку. Она просто хочет утолить голод, не рискуя жизнью. Она осознает свою силу, потому что много борется. Когда молодая особь побеждает в драке, происходит мощный выброс серотонина, нейроны соединяются, и мозг обезьяны учится ожидать хорошего самочувствия в аналогичных ситуациях в будущем.

Молодому мозгу не нужно некое абстрактное понятие статуса, чтобы осознать свое превосходство. «Электричество» мозга легко течет по нейронам, которые были активированы ранее, но у него возникают сложности с проходом по еще не выстроенным нейронным путям. Таким образом, опора на прошлый опыт — это буквально путь наименьшего сопротивления. Мозг млекопитающего бессознательно постоянно сравнивает силу своего обладателя с другими особями и предвосхищает удовольствие или боль, выделяя соответствующее химическое

вещество. Социальное соперничество усиливается, когда подрастающая обезьяна достигает репродуктивного возраста. Половые гормоны создают новые алгоритмы поиска вознаграждения. Нейронные пути выстраиваются по мере того, как новые действия приводят к успеху или неудаче. Здесь опять же не требуется никакого сознательного намерения. Мозг, вознаграждавший самоутверждение приятным чувством, создавал больше копий самого себя. Мозг, который реагировал на социальные неудачи страхом смерти, выжил. Именно этот мозг мы унаследовали. Такое трудно принять, потому что не об этом вы обычно слышите и потому что это противоречит идиллическим представлениям о мире и любви в дикой природе. Возможно, вы сейчас задаетесь вопросом, чему верить.

Почему я об этом не знаю?

Мы часто слышим об эмпатии и самоотверженности животных. В школе я узнала, что природа находится в состоянии мира, а стремление к доминированию порождает общество. Я сама говорила об этом своим студентам. Я научилась приравнивать это убеждение к добродетели и уму и потому боялась показаться злой и глупой, позволив себе отойти от него. Но чем больше я узнавала, тем больше ставила под сомнение господствующие представления социальных наук о состоянии природы. На протяжении большей части человеческой истории люди не поверили бы словам о доброте животных, потому что своими глазами

видели диких зверей. Сегодня мы редко наблюдаем за ними в естественной среде обитания, поэтому нас легко убедить в правдивости некоторых популярных исследований, ведь их опровержение не афишируется. На протяжении многих лет обрывки противоречивой информации привлекали мое внимание. Я больше не могла игнорировать эти факты. Вот несколько примеров.

- Рядом с моим домом находился заповедник диких кошек. Там собирали пожертвования на спасение зверей, которые бродили по пригородам. Я спросила, почему кошек помещают в заповедник, вместо того чтобы вернуть их в естественную среду обитания. Мне пришлось несколько раз задать этот вопрос, чтобы получить ответ. Оказалось, что кошку из приюта попросту убьет дикая кошка, на территорию которой ее выпустят. Добрые люди, которые держат приют, неохотно открывают жестокую истину, оправдывающую существование этого заведения.
- Известный ветеринар советует владельцам кошек покупать отдельный корм и игрушки для каждого питомца и класть их так, чтобы другие их не видели. Добрый доктор слишком мил, чтобы объяснять причину: более сильные кошки пытаются завладеть ресурсами более слабых, даже если у них много собственной еды и игрушек.
- Джейн Гудолл познакомила мир с детенышем шимпанзе по имени Флинт. Широко известно, что Флинт умер от разбитого сердца после гибели матери. Это часто упоминается как свидетельство любви и сопереживания в дикой природе. Но правда более жестока. Флинт умер,

потому что он так и не научился удовлетворять насущные потребности. Детеныш вырос не в естественной среде — он стал первым шимпанзе, которого Джейн кормила бананами. Ему не удалось овладеть навыками поиска пищи, на развитие которых у нормальных шимпанзе уходит пять лет. Джейн не виновата — она не могла заранее знать того, что сама открыла. Здесь важна реакция Флинта на «дивный новый мир». Достигнув возраста отлучения от груди, он был сильнее своей пожилой матери, потому что детеныша подкармливали бананами. Когда самка попыталась отказать ему в молоке, Флинт поборол ее. Запугав собственную мать, детеныш продолжал кормиться молоком на протяжении многих лет нейропластичности. Эти факты известны общественности, но их игнорируют, потому что они противоречат идиллическим представлениям о животных. Джейн перестала кормить шимпанзе, как только осознала последствия, но большинство людей все еще цепляются за романтический взгляд на природу. Они гордятся своей образованностью, поскольку выбирают во что им верить и игнорируют остальную информацию.

Иерархия доминирования у животных

Сегодня учителя и средства массовой информации представляют млекопитающих сострадательными существами, но исследователи XX века прекрасно видели конфликты животных. Доказательства этого доступны любому, кто

их ищет. Термин «иерархия» был введен столетие назад норвежским зоологом, выросшим на ферме с курами. Торлейф Шельдеруп-Эббе заметил, что одна курица всегда ела первой и отгоняла других от лучшего корма. Он видел, как цыплята ждали, пока ели более сильные особи, и всегда подходили к кормушке в одном и том же порядке. Когда двух незнакомых птиц поселили вместе, вспыхнул конфликт, затем одна курица постепенно начала оказывать меньшее сопротивление — до тех пор, пока они не начали мирно сосуществовать. Когда в стае было более тридцати куриц, они не могли запомнить порядок кормления, и разгорался бесконечный конфликт. Докторская диссертация Шельдерупа-Эббе 1921 года содержит методическое исследование поведения, которое он наблюдал с десяти лет.

Нобелевский лауреат Конрад Лоренц расширил эту работу. Изучая повадки других животных, он узнал, что большинство ссор происходит между особями одинакового ранга. Исследователи продолжали наблюдать схожее доминирующее поведение у десятков разных видов. Они заметили, что приматы вступают в борьбу за место в иерархии чаще, чем млекопитающие с меньшим мозгом. Стадные животные, как правило, сражаются друг с другом один раз и придерживаются результата, пока существует их вожак. Если он умирает или его свергают, остальные сражаются друг с другом до тех пор, пока не установится новый порядок. Приматы, напротив, вступают в борьбу за первенство всякий раз, когда думают, что могут победить. У них достаточно нейронов, чтобы обновлять алгоритмы

мышления, основываясь на результатах своих действий. Мозг примата даже способен регистрировать изменения в положении других особей в группе.

Нам трудно видеть иерархию доминирования так, как ее видят животные, потому что большая кора головного мозга людей создает абстракции. Обезьяны не размышляют о том, как бы стать лидером. Они просто стремятся вызвать хорошие чувства и избежать плохих. Мы смогли заглянуть в их мышление благодаря одному удивительному происшествию в лаборатории. Исследователи вернули обезьяну в ее группу после медицинской процедуры, не обратив внимания на то, что анестезия отошла не до конца. Животное было менее сообразительным, чем обычно, и другие особи немедленно ухватились за малейшие признаки слабости. Обезьяну несколько раз укусил задира, и к нему присоединились другие члены группы, в том числе постоянный товарищ жертвы по играм. Исследователи поняли, что происходит, и быстро спасли несчастное животное. Они были ошеломлены той дикостью, которую могла спровоцировать минутная слабость. Два часа спустя обезьяна полностью оправилась от наркоза и ее снова вернули в стаю. На этот раз она адекватно реагировала на провокации, и нормальные социальные взаимодействия в группе восстановились (Маэстрипьеры, *Macchiavellian Intelligence*, 125–26).

Подобные истории читать неприятно, потому что они вызывают в памяти ваш ранний опыт социального превосходства. Вы можете разозлиться при мысли о хулигане